

ИЗБИРАТЬ: ПРАВО И ОБЯЗАННОСТЬ (РОССИЙСКИЕ ВЫБОРЫ X–XVII вв.)

Рассматривается процесс перехода от субъективного избирательного права к избирательной обязанности в Российской электоральной практике X–XVII вв. На примере выборов в древнерусском и удельном государстве (X–XV вв.) показано, что участие в выборах было свободным, рассматривалось именно как право свободных жителей общины. В электоральной практике XVI–XVII вв. участие в выборах могло быть как правом, так и обязанностью. Наиболее ярко этот факт проявился в выборах местного самоуправления. Государство было заинтересовано в активном участии избирателей, поскольку они разделяли с избранным ответственность перед казной. Именно в этот период практиковались средства принуждения к явке — насильственный привод, штрафы, изъятия имущества и др.

Ключевые слова: избирательное право, избиратель, субъективное избирательное право, право голоса, голосование, абсентеизм избирателей.

I.V. Minnikes

TO ELECT: THE RIGHT AND THE OBLIGATION (RUSSIAN ELECTIONS OF THE X–XVII CENTURIES)

The process of transition from subjective suffrage to electoral duty in the Russian electoral practice of the X–XVII centuries is considered. Using the example of elections in the ancient Russian and appanage state (X–XV centuries), it is shown that participation in elections was free, it was considered precisely as the right of free residents of the community. In the electoral practice of the XVI–XVII centuries, participation in elections could be both a right and an obligation. This fact was most clearly manifested in the local government elections. The state was interested in the active participation of voters, since they shared responsibility to the treasury with the elected one. It was during this period that the means of coercion

to appear were practiced — forcible driving, fines, seizure of property, etc.

Key words: election law, the voter, the subjective electoral right, the right to vote, voting, the absence of the voter.

Право голоса является одним из важнейших элементов демократического устройства общества. Именно право избирать, выражать свою волю относительно субъектов, которые в дальнейшем будут формировать политическую, социально-экономическую и культурно-идеологическую платформу страны создает один из магистральных каналов участия граждан в управлении государством.

Субъективное избирательное право в Российском государстве формировалось на протяжении нескольких столетий. При этом в практике Российского государства в какое-то время оно было по-настоящему правом, т.е. возможностью действовать в соответствии с собственными установками, а в другое время трансформировалось в «избирательную обязанность», т.е. требование поступать должным образом, независимо от желания лица вступить в электоральные правоотношения. Субъективное избирательное право неоднократно меняло свою окраску, переходя от желаемого приза к тяжкому бремену [1, с. 42–47].

В настоящей работе рассматривается процесс перехода избирательного права к избирательной обязанности в определенный период существования российских выборов.

Выборы в древнерусском и удельном государстве и субъективное избирательное право (X–XVI вв.).

В древнейший период выборы являлись наследием догосударственной эпохи. Именно с позиций установившейся традиции подкреплять авторитет власти «призванием», «настолованием» князей, избранием посадников, сотских, тысяцких, старост и др. участие в выборах было правом свободных жителей.

О том, что на данном этапе следует говорить именно о праве как мере возможного поведения свидетельствуют множественные исторические факты.

Выборы в данный временной период проходили на вече — в городе, когда речь шла о выборах князя, посадника или владыки; на кончанском или уличанском вече — если избирались

местные власти. Участие в вече рассматривалось, скорее, как привилегия, никого принудительно не зазывали. По зову веча-вого колокола, голос которого отличался от звука остальных церковных колоколов, или кличу специальных глашатаев-бирючей [2, с. 232] все, кто соответствовал сложившимся требованиям, еще не имевшим правовой формы, сходились к постоянному месту сбора и выражали свою волю по поводу предлагаемых вече кандидатур. Еще раз следует подчеркнуть, что речь идет именно о праве участвовать в выборах, а не голосовать определенным образом.

К сожалению, информация об этом времени достаточно противоречива и фрагментарна, но упоминаний о насильственном приведении жителей на вечевые площади нет. Как отметил А. Лимберт, «можно было иметь право участия в вечевых собраниях, но не осуществлять этого права» [3, с. 76].

Можно заключить, что на данном этапе участие в вече — это именно право, без элементов принуждения. На данном этапе право избирать можно квалифицировать как сложившуюся на протяжении многих лет возможность участвовать в выборах, реализация которой подкреплена традициями, привычкой, морально-этическими и социально-политическими соображениями, но не обеспеченную государственным принуждением.

С ликвидацией самостоятельности земель-уделов выборы верхушки управленческой пирамиды ушли в небытие и, следовательно, исчезло само правовое поле для реализации права избирать.

Выборы XVI–XVII вв. — от привилегии к обязанности

Электоральная практика XVI–XVII вв. включает три уровня выборов: первый — избрание государя; второй — формирование представительства на земские соборы; третий — выборы местной администрации (местного самоуправления).

Выборы на каждом уровне имели свои особенности и существенно варьировались в процессуальном аспекте. При том именно в XVI–XVII вв. на каждом уровне, как свидетельствуют документы, право избирать могло трансформироваться в обязанность участия в выборах.

Выборы государя для российской практики — мера, скорее, вынужденная, связанная, прежде всего, с пресечением наследственной линии. Поэтому говорить о какой-то периодичности и определенных требованиях к участию в выборах нельзя. Как отметил П. Иванов, «в Московском государстве не было установленного правила... для избрания царя, как это бывало... в странах, где народ выбирает себе на известный срок высшее правительство... В Московском государстве с самого его основания управлял народом род князей Рюриковичей. Умирал один, на престол садился его сын или родственник» [4, с. 7].

Эпизодичность и отсутствие как правовой регламентации, так и устоявшихся обычаев делала каждые выборы по-своему уникальными. Участие в избрании правителя, безусловно, оценивалось как привилегия, следовательно, было полноценным почетным правом.

Однако процесс избрания государя был многоэтапным и сложным, и не на все стадии процесса участники являлись сугубо добровольно. Как свидетельствуют документы, толпы народа, стоявшие на коленях перед Новодевичьим монастырем в 1589 г. и «упрашивающие» Бориса Годунова принять царский венец («И моляху его многие люди, чтобы сел на Московское государство» [5, с. 50]) могли быть как финансово простимулированными платными «актерами» данной политической демонстрации, так и принудительно согнанной «массовкой»: «мнози же суть и неволею пригнани, и заповедь положена, аще кто не придет Бориса на Государьство просити, и на том по два рубля правити на день» [6, стб. 14].

Другими словами, в данном случае речь идет об обязанности «избирателя» явиться «просить на царство», причем подкрепленной очень значительным штрафом за неявку. Правда, именно размер штрафа дает основания усомниться в достоверности факта «Иного сказания»: это годовое жалование солдата по набору (из даточных), сумма априори неподъемная даже для состоятельных посадских. Но само упоминание о такой мере наказания говорит о реальности переноса субъективного права из области возможного в область должного поведения, т.е. обязанности. Кроме того, в данном документе упоминаются еще

и приставы, следящие за «избирателями», а эта фигура избирательного процесса вполне реальна и встречается и в других актах, посвященных выборам.

На уровне выборов в земские соборы данные о принудительном участии и штрафах за неявку крайне редки. Акты об общеземских выборах не предусматривали наказания за неявку, но с точки зрения властей выборы среди местных жителей делегатов на соборы были не столько правом, сколько в определенной степени повинностью. На выборах в Туле в 1653 г. после трех призывных грамот столичные власти потеряли терпение и предписали воеводе посадить под стражу трех дворян «за ослушание» [7, с. 329]. Но вывод о том, что «"ослушники" подлежали наказанию — предписывалось на несколько дней сажать их в тюрьму или взыскивать штраф» [8, с. 193] было бы несколько поспешно из-за отсутствия должного документального обоснования.

Несмотря на это, уровень земских выборов демонстрирует столь же неустойчивый характер — он допускает и избирательное право, и, редко, избирательную повинность, хотя и не подкрепленную правовыми средствами.

Наиболее яркую картину трансформации избирательного права в обязанность представляют выборы местного самоуправления. С середины XVI в. выборность распространилась на целую группу лиц местного уровня: губные, земские, данные, посадские, слободские, всеуездные старосты; земские, губные, подсудные, тюремные, таможенные и мытные целовальники; губные дьяки, сотские, пятидесятские, десятские, земские судьи, «излюбленные», «верные» и таможенные головы, палачи; счетчики, окладчики и т.п.

На начальном этапе внедрения выборного самоуправления в систему власти на местах право избирать было именно правом, причем правом-привилегией, которая даровалась как высочайшая милость: «И мы вас Шуян посацких людей пожаловали, воеводам вас судити не велели, а велели вам меж себя судитца самим выбирая по годоу целовальников» [9, стб. 145].

Правда, с течением времени становилось все более очевидным, что эта милость не была безвозмездной — право выбрать своих людей на местные должности государство обусловило от-

ветственностью перед казной: «а будет чево доходов голова и целовалники ...не доберут, и Мы тот недобор велим доправить вдвое на голове и на целовалниках и на тех на всех людех, которые тово голову и целовалников... выберут» [10, с. 45]. Другими словами, все, кто поучаствовал в избрании представителя местного самоуправления, весь местный «избирательный корпус» находился под угрозой лишения собственного имущества за провинности перед казной избранного лица. Неудивительно, что почетное право избирать стало нежеланным бременем и активность избирателей пошла на спад.

Помимо этого, зачастую именно в принудительном порядке заполнялись непопулярные выборные посты, например, палача. Так, шуйская грамота 1649 г. велела старосте среди местных жителей «палача и на него выборы... доправить» [11, с. 118], т.е. принудить к избранию.

Право избирать трансформировалось в обязанность и в том случае, если выборы оценивались не как средство получить определенные преимущества, а, наоборот, как источник проблем и ухудшения финансового состояния. Выборные должности не предполагали оплаты, а полноценное исполнение обязанностей по выбору требовало отвлечения внимания от другой, доходной деятельности. Конечно, избрание на кружечные, соляные и иные сборы оценивалось как благо, т.к. обещало хороший доход. Но участие в выборах на «нехлебные» должности могло привести к избранию и, как следствие, отвлечению от зарабатывания денег. Из 287 московских купцов гостей, гостиной и суконной сотни только 42 несли службу, «прочие же по бедности не могли служить» [12, с. 392]. Неудивительны жалобы от выбранных купцов на то, что из-за частого отвлечения от промысла они «обеднели и задолжали». Но их нежелание участвовать в выборах пресекалось, иногда весьма жестко, вплоть до посажения под замок.

Еще одним средством принудить к избирательной активности было изъятие земельных наделов, особенно у тех, кого этим наделом снабдила община.

Перечисленные обстоятельства, а также ряд иных, менее очевидных и значимых факторов, привели к тому, что выборы во многих случаях стали оцениваться не как право, а как обязанность. При этом именно на местном уровне эта обязанность не

только проявилась наиболее рельефно в практике, но и была оформлена правовыми средствами.

Таким образом, XVI–XVII вв. — это особый период истории выборов. На данном этапе государственная власть внедрила в электоральную практику две модели участия в выборах — как реализацию права голоса и как обязанность участвовать в избирательном процессе, обеспеченную государственно-правовым принуждением.

Список использованной литературы

1. Минникес И.В. История выборов: избиратель и субъективное избирательное право / И.В. Минникес // Академический юридический журнал. — 2020. — № 1 (79). — С. 42–47.

2. Очерки по истории выборов и избирательного права / под ред. Ю.А. Веденеева, Н.А. Богодаровой. — Калуга : Москва : Символ, 1997. — 388 с.

3. Лимбер А. Предметы ведомства «Веча» в княжеский период древней России. Историко-юридическое исследование / А. Лимбер. — Варшава : Тип. И. Носковского, 1877. — 182 с.

4. Иванов П. Борис Годунов (Очерк) / П. Иванов. — Москва : Тип. И.Д. Сытина, 1905. — 79 с.

5. Полное собрание русских летописей. Т. 14. Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси. Новый Летописец. Указатели к Никоновской летописи (IX–XIV т.т.). — Москва : Наука, 1965. — 287 с.

6. Русская историческая библиотека. Т. XIII. Вып. 1. Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. — Ленинград : Изд-во Рос. Акад. наук, 1925. — 863 стб.

7. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. / Л.В. Черепнин. — Москва : Наука, 1978. — 418 с.

8. Глазьев В.Н. Губная власть в Воронеже и ее взаимодействие с городским и уездным населением в XVII в. / В.Н. Глазьев // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время XI–XVIII в. : тез. докл. научн. конф. — Москва : Ин-т рос. истории, 1996. — С. 191–194.

9. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. Выборы, выписи, грамоты данные, доклады, допросы, досмотры, доезды, духовные дела, дельные записки, записи, изветы. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1857. — 776 стб.

10. Древняя грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. / Собр. и изд. К. Александровым Дольником и Н. Второвым. Кн. 2. — Воронеж : Тип. Губ. Правления, 1852. — 202, 99 с., прил.

11. Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. / Собр. В. Борисовым. — Москва : Тип. В. Готье, 1853. — 400 с.

12. Чичерин Б. Областные учреждения России в XVII-м веке Б. Чечерин. — Москва : Тип. А. Семена, 1856. — 591 с., прил.

Информация об авторе

Ирина Викторовна Минникес — главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: ivminnikes@mail.ru

Author

Irina Viktorovna Minnikes — Chief Researcher at the Institute of Legal Studies of Baikal State University, Doctor of Law, Professor.
E-mail: ivminnikes@mail.ru